«Трагедия в секторе МПАК». Журналистское расследование Игоря Бердова

Георгий Крылов

Георгий Крылов

«Трагедия в секторе МПАК». Журналистское расследование Игоря Бердова

«Автор»

2023

Крылов Г.

«Трагедия в секторе МПАК». Журналистское расследование Игоря Бердова / Г. Крылов — «Автор», 2023

«Космический туризм — это опасность и волнение, романтика и проверка собственных сил. Легальная компания «Дикие искатели систем» с опытными гидами помогут осуществить мечту». Рекламный лозунг зазывает смельчаков, обещая космос для всех.Что может пойти не так в продуманном туристическом маршруте? Кто возьмет ответственность за смерть туристов? Какие можно сделать выводы и как избежать трагедии? Все это в журналистском расследовании Игоря Бердова «Трагедия в секторе МПАК». Обложка выполнена с помощью Dream by WOMBO

© Крылов Г., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Георгий Крылов «Трагедия в секторе МПАК». Журналистское расследование Игоря Бердова

Глава 1

Космос. Он манит к себе смельчаков, желающих проверить себя и прикоснуться к бесконечности. Это спор не только с собственным телом, но и с душой. Я часто слышал, что в космосе приходят ответы человеку на его вопросы. После выхода в открытый космос у творческих людей проходят кризисы. Создаются произведения, которые становятся все признанными хитами. Кто-то говорил, что когда выходишь без атмосферное пространство, где тело теряет власть над окружающей обстановкой, то появляется ощущение собственной никчемности. Это помогает многим «отрезветь» и вновь вспомнить те мысли и желания, которыми им руководили еще в детстве. Вернуться к тому моменту, когда приходилось выбирать свой жизненный путь.

Спортсмены и бизнесмены, научные сотрудники и вечные искатели собственного «я», представители разных профессий и вероисповеданий – всех их объединяло желание выйти в открытый космос. И они готовы были платить любые деньги, чтобы осуществить свою мечту.

Возможно, если бы туристические фирмы предоставляли больше услуг для выхода в открытый космос, то у нас было бы меньше «диких» компаний, которые работали бы наполовину легально. Но официально простому человеку, не инженеру или космическому исследователю, а туристу было доступно лишь панорамные платформы на космических станциях и аттракционах в виде комнат без гравитации. Этого мало. Спрос был. А если будет спрос, то будут и предложения.

Мы можем долго спорить, что такие компании и такие услуги подрывают наш принцип безопасности. Да, была проведена большая работа, чтобы обезопасить космические перелеты. Я не говорю о самой системы безопасности в крупных городах, где человек не может упасть, потому что когда он спотыкается, то появляется робот, готовый тут же поставить его на ноги. Мы живем в идеальных условиях рафинированного мира. Единственный способ проверить свои силы – это продвинуться по работе. Из-за этого многие люди и предпочитают активный отдых. А некоторым мало активного отдыха. Они стремятся побывать в диких местах, где законы смазаны, зато там раскрывается сама суть человека. И там проходит проверка его человечности. Там открывается истинное лицо, которое мы часто прячем под масками, навязанными правилами приличий, нормами и законами.

Когда случилась трагедия в секторе МПАК, то среди зрителей нашего канала прошел опрос: как они относятся к космическому туризму. Многие ответили, что это блажь и дурость. Кто-то требовал, чтобы запретить любые полеты в новые или закрытые системы, считая, что открытого космоса вполне достаточно для людей на многие поколения вперед. И были версии, что если есть потребность высадиться на планету без атмосферы, то нужно идти в исследователи или ученые, чтобы была польза от дурости.

Вот так внезапно наши дедушки и бабушки стали дураками, которые явно от безделья отправлялись в космические дали, не зная вернуться они или нет. При этом я отдельно хочу отметить популярность фильмов и документальных передач про космических охотни-

ков, базы и исследовательские программы. Значит народу все равно интересна данная тема, но что-то мешает этот интерес проявить.

Я сам не понимал, что такого в открытом космосе. Не понимал туристов, но и не осуждал. У меня была моя любимая профессия, которую я не хотел и не хочу менять. Но отправившись в поездку, я понял, что можно продолжать оставаться журналистом, но при этом испытать то, что я никогда бы не смог почувствовать на работе.

В январе вышел документальный фильм про «Трагедию в секторе МПАК». Мы получили миллионы комментариев от неравнодушных зрителей. Но при этом фильм отразил лишь малую часть того, что там произошло. Мы пытались передать всю атмосферу, хотели предостеречь от опасностей, но при этом совсем не затронули ту часть, которая касалась непосредственно трагедии. Так как о трагедиях на телевидение подробно говорить не принято, то я решил рассказать все в данной книге.

Я не преследую цели нажиться на чужой трагедии или очернить компании, которые допустили ряд ошибок, что привели к трагедии. У меня нет цели осудить туристов. Я всего лишь высказываю мысли о случившемся и пересказываю хронику событий. И я имею на это право, потому что был непосредственным участником событий и знаю, что было на самом деле.

С космическим туризмом меня познакомила невеста. Лика Резова работала научным сотрудником по геологии планет, не входящих в официальный список. К ней попадали породы, взятые черными копателями, исследователями, оказавшимися случайно на новой планете или купленные на черном рынке. Это не тайна, что наши институты следят за черным рынком и быстро реагируют на изменения в солнечных системах, признанных вначале нерентабельными к заселению или производству.

Лика всегда хотела быть исследователем. Она была из потомственных ученых. Даже больше, она родилась в исследовательском лагере на небольшой планете без атмосферы и прожила там до четырнадцати лет. Для нее наука и космос были всегда равнозначными. Желание оказаться в космосе было для Лики, как желание вернуться домой. Вспомнить забытые ощущения.

Но девять лет назад пришел приказ, что дети, рожденные в шахтерских поселках, исследовательских лагерях и космических станциях без гравитации или с минимальной гравитации, не имели права возвращаться в такие условия. Это было связано с наблюдением за детьми, родившимися в тяжелых условиях.

У Лики не было проблем со здоровьем, но разрешения на участие в официальной экспедиции она получить не смогла. Из-за тяги к космосу она прошла все легальные туры, но ей этого было мало. Когда ей пришло приглашение на участие в программе «Дикие искатели систем», она согласилась.

«Дикие искатели систем» – компания, основанная Висовым Вячеславом Климовичем. Висов раньше работал в медицинском центре на Трингоре. Вначале тренировал пилотов межпланетных истребителей, потом перешел на тренировки спортсменов. Он пытался внедрить новую систему подготовки, которая могла бы сократить подготовку и сняла бы физическое ограничение для курсантов и пилотов. Он считал, что при современных технологиях, в космос мог выходить любой человек с любой медицинской картой. Но делал он это негласно. Лицензию он получить на опыты ему не удалось. Когда все это выяснилось, то Висова уволили со скандалом. И тогда он открыл данную компанию.

Когда Лика собралась лететь с этой компанией в Закрытую систему сектора МПАК, то я проверил компанию. Все документы и разрешения у них были. Как ни странно, но по закону у нас не было запретов для посещения открытых и изученных планет, которые при этом не были

занесены в реестр для освоения. Получалось, что если у человека хватало денег, чтобы купить корабль, то можно спокойно летать на любую планету и возить туристов.

«Дикие искатели систем» предлагали тур на планету Лидар. В тур входило несколько выходов в открытый космос, посадка на планету и подъем к «Неизвестному дому». «Неизвестный дом» был построен неизвестной цивилизацией, которая, похоже, так же не заинтересовалась планетой. Такие дома находились довольно часто. Ученые их исследовали, а потом оставляли, потому что ничего интересного в этих домах не было. Просто стены без техники и рисунков. Никаких намеков с какой планеты были строители этих домов или как с ними можно было связаться.

Но что не представляло интереса для исследователей, то интересовало туристов. Тут я не могу ничего сказать. У меня к инопланетным строениям никогда не было особой любви. Я не понимаю фанатиков, которые считают их храмами. Не понимаю желания прикоснуться к тому, что построено было не нами. Но так как многим людям все это оставалось интересным, то наш канал решил организовать экспедицию к «Неизвестному дому». А тут как раз у меня невеста туда летела. Я уже знал что-то о компании и космическом туризме, поэтому в редакции выбрали меня на роль репортера.

Изначально целью нашей передачи было показать строение, построенное инопланетянами. Потом к нам обратился Висов с рекламой компании. И вишенкой на торте стало предложение Оросова Игоря Валентиновича, крупного бизнесмена, который отправлял туда дочь Юлю. Юля Оросова стала популярной в двадцать лет, сыграв в драматическом фильме «Первый и последний рывок», где была экранизирована история Люси Роговой. Люся Рогова осталась одна в шахтерском поселке после катастрофы. Она еще выживала одна триста дней, ожидая помощи при проблемах с системой жизнеобеспечения. Юля так хорошо сыграла, что в один момент проснулась знаменитой. Плакаты, голограммы, шоу и роли в новых фильмах – все это обрушилось на нее в один мог. Но после второго фильма Юля вышла замуж и ушла в долгий декрет на десять лет. Когда же вернулась, то про нее уже забыли.

Отец Юли хотел, чтобы эта поездка вернула карьеру его дочери. Он даже хотел снять документальный фильм про ее поездку на Лидар. Но телевизионным каналам это все было неинтересно, поэтому ему сразу сказали, что фильм про Юлю провалится. Зато предложили сделать ее ведущей в нашем документальном фильме про «Неизвестный дом». За это Игорь Валентинович оплачивал поездку нашей съемочной группы, состоящей из меня и Лики.

Если честно, то среди журналистов не было поклонников космического туризма, как и экстремальных видов отдыха. Нам по долгу службы часто приходилось сталкиваться с неприятными моментами в жизни. Да, мы многое не пускали в эфир, но при этом всегда оставались интернет-каналы, куда шла неприкрытая правда. И фиксацию событий никто не отменял. Из-за постоянного стресса в отпуск хотелось больше отдохнуть в тишине, а не пробовать свои силы и испытывать тело на возможности.

Отпускать меня одного было опасным. Никто не отменял несчастные случаи и простуды. Вот и было решено временно взять в штат Лику. Она должна была снимать все со второй камерой. Я был сценаристом и режиссером, а также вторым оператором. Юля числилась ведущей. У меня были небольшие опасения по поводу Юли. Да, она была актрисой, но я не знал, как она работала на площадке. А поговорить с ней до полета у нас не получилось. Хотя даже если бы мы не сошлись характерами, то мне все равно пришлось бы снимать ее, потому что контракт расторгнуть можно было лишь смертью.

Подготовка к полету заняла два месяца. Именно столько нужно было, чтобы закупить снаряжение и подготовить организм к перегрузкам. При нынешней медицины в космос мог полететь каждый. Корабли и поезда курсировали на постоянной основе и могли доставить в самый дальний сектор Признанного космоса максимум за два месяца. Но одно дело жить в комфортабельных каютах и проводить время за развлечениями, щедро представленными на

борту, а совсем другое выходить в открытый космос и высаживаться на планету, где нет атмосферы.

Во время подготовке пришлось тренироваться, как спортсменам, участвующим в гонках на мотокварах, что носились по орбите на сумасшедших скоростях. Не скажу, что тренировки мне нравились. Они выматывали. Часто вызывали неприятные ощущения. Иногда хотелось все бросить. Но я понимал, что это просто необходимость. В космосе могло случиться все что угодно и помощи ждать будет неоткуда.

Обычные туристические маршруты пролегали в районах, буквально напичканных спасательными станциями и модулями. Если случался сбой в системе космического корабля или корабль терпел крушение, то спасателям хватало долететь до космического корабля минимум час, а максимум шесть часов. Но в системе, куда мы летели, спасателей не было. Места там были неосвоенные. А значит, если бы с нами что-то случилось, то помощь теоретически могла прийти от черных копателей. Но могла бы и не прийти.

Когда это осознаешь, то первая мысль приходит в голову: зачем все это нужно? Зачем так рисковать? Ради непонятной иноземной застройке, которая никого толком не интересовала? Зачем эта проверка собственных сил? Зачем испытывать страх смерти, когда все делается для того, чтобы этот страх минимизировать? А потом в душе появляется что-то дикое. Можно сказать, что первобытное. Невольно начинаешь вспоминать истории про людей двадцать первого века. Про тех, кто не боялся оттолкнуться от Земли и полететь за пределы родной планеты в поисках неизведанного. И тогда появлялись мысли, что мы не так уж далеко и ушли от них. Да, наша жизнь обросла современными благами, но при этом авантюризм никуда из нас не делся. Он всего лишь крепко спал. Ждал своего часа, который мог и не настать.

Мне кажется, что в каждом человеке есть что-то такое волнующее в душе. Мы не обращаем на это чувство внимание. Но оно продолжает нам напоминать, что мы можем больше, чем сейчас.

Я не буду говорить, что меня не волновала наша поездка, которая могла оказаться поездкой в один конец. Как бы Лика меня не убеждала, что ничего страшного не произойдет, я вновь и вновь перечитывал отказ от страхового случая.

Каждый турист страховался автоматически. Но вот нас страховать отказывались, так как считали, что мы летим на верную смерть. Висов обещал обеспечить нас медицинской помощью, если такая понадобиться, на ближайшей космической станции. Только лететь до нее было неделю! И этот факт меня совсем не радовал.

Лика меня заражала энтузиазмом и рассказывала подробности нашего полета. Я много от нее узнал об особенностях высадки на планеты с низкой гравитацией. И именно она дала советы, как побороть панику, когда оказываешься в космическом пространстве. Слушая ее рассказы, я начинал чувствовать уверенность и уже не думал о поездке, как о чем-то последнем в моем жизни.

Когда я обговаривал эту тему с психологом, то психолог мне объяснил, что страхи неизведанного вполне естественны для человека. Но любопытство и желание новизны легко убирают инстинктивные страхи. Нужно лишь уметь переключаться и выбирать нужное направление, которое бы мне было выгодно.

Позже, разговаривая с нашей группой, я узнал, что мало кто тратил время на психолога перед полетом. И это было большой ошибкой. Готовясь к большому и опасному путешествия, проходить психолога необходимо, чтобы знать к чему готовиться и как реагировать на произошедшее.

И вот уже оставались считанные дни до нашего полета, когда позвонил Висов и сказал, что гид нашей группы сильно заболел. На восстановление ему потребовался месяц. Наша экспедиция оказалась под угрозой срыва.

Тут нужно отдельно объяснить. В группе летели туристы. Люди, которые никогда или довольно косвенно были связаны с космосом. Чтобы никто не натворил бед или не растерялся, Висов нанимал специалистов, которые такой опыт имели. Ими были в основном космические исследователи или спортсмены. Или те, кто родился на станциях и хотел вернуться в космос. Но желающих еще надо было найти.

Я не знаю, как Висов познакомился с Сициным, но он нам предложил его услуги, поставив ультиматум: или мы летим с ним, или наша группа остается, а контракты разрываются. Я ничего к бывшим клонам не имел, а вот другие, включая Лику, высказались против его присутствия в нашей группе. И тут назревал серьезный конфликт, который предстояло решить.

Что не так было с Сициным? Он был клоном. Этого было достаточно, чтобы вызывать у людей неприязнь.

Клоны получили права двадцать лет назад. Их перестали использовать, как доноров и кукол для переноса сознания после смерти. Их наделили правами и стали использовать как полноправных граждан для заселения планет. Особенно для тех планет, которые были агрессивно настроены для человека. Но при этом оставались люди относившиеся к клонам как куклам.

Наверное тут была причина в разнице нашего воспитания. Мы получали воспитание в семьях, проходя полный курс развития от садика, любящих родителей, школы и института, до выхода во взрослую жизнь и устройства на работу. Клонов же уже вырастали до уровня двадцатилетнего человека и вкладывали ему готовые узконаправленные знания. Да, у нас была большая разница в опыте, но тогда давайте мы будем предвзято относиться к тем, кто рожден был в космосе! Чего уж мелочиться?

Если Сицин обладал достаточными знаниями, чтобы нам помочь в нашей миссии, то я готов был с ним лететь. Все же не хотелось потерять то время, которые мы затратили на подготовку. Да и деньги были потрачены довольно крупные, которые просто так второй раз давать никто не будет.

Висов выслал приглашение всем участникам группы, чтобы мы пришли в кафе и познакомились с Сициным, прежде чем стали бы принимать решение, которое бы могло повредить нашей группе. Заодно мы могли бы познакомиться друг с другом. Знакомство происходило уже за день до отлета на орбитальной станции. Если бы все было решено в пользу нового гида, то мы бы сразу отправились на корабль. Или пришлось бы возвращаться домой.

Глава 2

Мы с Ликой подъехали одни из первых. Сицин с Висовым сидели во главе стола и тихо о чем-то переговаривались. Висов мужчиной был уже в возрасте. Ему недавно перевалило за восемьдесят лет. При этом он продолжал сохранять хорошую физическую форму. Глядя на него было видно, что он сможет не только быть руководителем экспедицией,но и сможет заменить врача, если он понадобиться. Было хорошо, что не прикрывались его именем, а он сам действовал от своего лица. Это было первое впечатление. Потом оно поменялось, но поменялось скорее из-за его нравственных поступков.

Сицин был примерно моим ровесником, только более крупным. С бугристым лицом и неправильно сросшимися лицевыми костями. Как я позже узнал, это были последствия перенесенного взрыва в техническом отсеке корабля. Профессия механика всегда была опасной. Одно время в механики стали отправлять клонов. Они шли дешевым материалом, который можно было легко заменить. Сицину не повезло. Он еще застал те времена, когда клонами делали все опасные работы. Сейчас же этим занимались роботы.

Позже подошла Юля. Как я и предполагал, она была актрисой. Я не хочу ничего сказать плохого про актрис, но они, в отличие от профессиональных ведущих, привыкли приезжать на все готовое. Они не делали сложные трюки. Не снимались в «поле». Только студия. Да, актеры хорошо передавали эмоции. За это их любили. Ведущие могли работать как в студии, так и непосредственно на местах событий. Я уже сразу понял, что у нас с ней будут трудности, когда она при виде Сицина скривила нос и сразу сказала, что хотела бы сделать съемки с космосом и на планете, но при этом выходить из корабля она не планировала. Висов на миг задумался, но я ей объяснил, что такое невозможно. Придется работать в «поле». Это условия контракта. Одним словом актриса. Что тут еще скажешь?

С нами еще летел Молоко Иван Горын, который сразу представился как Ваня. Ваня был пилотом космического корабля с общим стажем двадцать пять лет. Веселый круглолицый парень, который хотел увидеть космос не через приборы, а своими глазами.

Последним подошел Тимур Вирвов – довольно популярный блогер, контент которого состоял из экстремальных сюжетов. Я посмотрел его пару роликов. На видео он играл роль компанейского человека, который любил шутить, веселиться и дурить. На деле он был серьезным и хмурым. Он сразу начал предъявлять Висову, что по договору гидом должен был быть человек, а не клон с правами. Клону он не доверял, потому что у клонов был урезан жизненный опыт. Я смотрел на реакцию Сицина, но тот спокойно слушал недовольство нашей группы.

– У нас не так много людей, которые могут похвастаться, как выходом в космос, так и выходом на поверхность планеты. Сицин работал как на кораблях, так и на планете, – сказал Висов. – Может у него не такой большой жизненный опыт, но этот опыт он получил в космосе.

– Наша бригада создавалась именно под космос, – сказал Сицин. – Да, мне по вашим меркам всего лишь двадцать пять лет, но эти года я провел на станциях или за пределами корабля. Семь лет я проводил ремонт кораблей в открытом космосе при движении корабля в составе экстренной ремонтной бригады. Десять лет участвовал в постройках трех станций. Одна станция была построена на штормовой планете с минимальной атмосферой, одна астероидная и одна станция на без атмосферной планете. Два года был механиком. Остальную часть жизни провел в составе черных копателей. А там были и выходы в открытый космос и высадки на планеты.

Он говорил это спокойно и безэмоционально. Просто перечислял факты из своей жизни. И эти факты удивительны. Я впервые встретил человека, который всю жизнь связал с космосом в прямом смысле этого слова. Одно дело проводить жизнь в стенах станции или корабля. Другое дело находиться вне защитных стен.

Я даже не хотел думать, как такая жизнь сказалась на его организме. Клоны жили не так долго как люди. Их максимальный срок жизни был около пятидесяти лет. На обновление организма клонам не давали квоты. Они могли лишь это сделать за свой счет, но клоны не так много получали, чтобы проводить стандартные медицинские возрастные процедуры.

– Если мы откинем все сомнения в сторону, то поймем, что Сицин один из лучших гидов на данный момент в моей команде, – сказал Висов. – Я могу вам предоставить статистику по другим нашим гидам. Самый опытный из них имеет два выхода в открытый космос и три высадки на планету. Остальные или имеют выход в космос, или на планету. Уговорить Сицина, чтобы он участвовал в нашей экспедиции – это большая удача.

– Но почему тогда не предложить его услуги другим группам? – спросила Юля.

– Потому что каждый гид под команду прописывал тренировки и работал напрямую с ними. К примеру, Шаров со своей командой прыгал с самолета. Иннова закидывала своих на самолете в стратосферу. Ваш гид хотел начать основные тренировки на корабле. Сицину придется отталкиваться от этого. Наш туристический маршрут – это новая идея не только в экстремальных видах отдыха, но и попытка доказать, что космос доступен каждому, – ответил Висов.

Мы были первопроходцами. Позже будут выбор гидов. Позже кто-то перейдет из туристов в гиды, но сейчас мы были первыми. Или так считали. Никто нам не сказал, что рядом с официальным космосом всегда был нелегальный. И там можно было полететь куда угодно, были бы деньги и возможности.

Да, «Дикие искателей систем» были первая официальная компания, но до нее были десятки, если не сотни других. А если так, то гидов было предостаточно. Но тут сыграла жадность Висова. Тем гидам нужно было платить больше. А он платить много не любил и экономил на всем.

Голосование проходило в молчание. Большой палец означал, что мы летим. Сжатый кулак означал отказ от услуг Сицина. А отказ означал, что деньги потрачены впустую. Я платить из своего кармана не хотел. Лика тем более. Для Юли это был почти последний шанс, чтобы вернуться на экран. Тимур подписал ряд рекламных контрактов. Ему нужно было предоставить контент. Не согласился лишь Ваня, но так как большинство все же решили лететь с Сициным, то он поменял свое решение.

Сейчас могут начаться разговоры, что мы сами на все согласились и согласились дважды. Но давайте мы посмотрим на ситуацию со стороны «продавца и клиента». Висов нам предоставил услуги. Он дал гарантию Сицину, что тот был профессионалом. Мы доверились Висову, как если бы доверились пилоту космического корабля. Вы же не будете проверять квалификацию каждого сотрудника?

Сицин нас обманул, приукрасив свой опыт. Но нам повезло, что опыт выхода в космос и высадка на планету у него была, только одиночная. Он долго летал одиноким странником, поэтому ему и приходилось все делать в одиночку.

Висов нам предложил или сразу заселиться на корабль, или еще побродить по космической станции и докупить что-то нужное. Мы с Ликой решили сразу заселиться. А вот Юля и другие члены нашей команды на корабль заселяться не торопились.

Позже мы с Ликой поняли, что сделали правильный выбор. На следующий день во время посадки была большая очередь в терминал. Из-за этого наш вылет даже задержался. Но об этом позже.

Корабль Висова находился в тринадцатом терминале из пятнадцати. Это уже должно было насторожить. В последних терминалах стояли корабли, у которых была минимальная страховка. А такую страховку часто брали черные копатели или одинокие странники с минимальным командным составом. «Дикие искатели систем» рекламировались как более крупная компания.

Когда мы вошли в терминал, то нам не пришлось проходить через медицинский сканер. Таможенный досмотр мы прошли еще по прилету на станцию, поэтому на корабль мы попали за считанные минуты.

Сам корабль был небольшим. Командный состав минимальный. Два пилота. Висов был как за капитана, так и за врача. Еще был помощница капитана Висова Анастасия. Да, капитан взял в команду свою дочь, о которой я никакой информации не нашел. Если честно, то я не знаю какое у нее было образование. Но вот зарплату она получала наравне со всеми.

Еда, как на любом корабле, была концентрированная и стояла из питательных капсул и растворов. Уборкой занимались роботы. Душа не было, зато были смывающие салфетки в неограниченном количестве. На корабле отсутствовала связь с внешним миром для пассажиров. Нам предоставили возможность подключиться к развлекательной системы корабля, где были бездумно куплены пакеты с книгами, фильмами и сериалами, а еще однопользовательскими играми, которые были или устаревшими, или неполными. Да, вы не ослышались, много было демок или ознакомов, которые заканчивались на самом интересном месте. Из-за этого человек не получал расслабления и снятия стресса во время полета, зато получал хорошее раздражение. Мы же не могли купить продолжение из-за отсутствия связи.

Опять же, вы можете сказать, что мы придирались. Далеко не каждый корабль может позволить меж планетарную связь. Но даже черные копатели покупали доступ на связь во время остановок на станциях! Висов тут сэкономил и сэкономил хорошо.

Я особо не расстроился из-за отсутствия связи. У меня была своя база развлекательного и учебного контента, которого мне хватило бы ни на один полет. Больше мне не понравилась общая каюта на группу. Шесть человек в девяти квадратных метрах – по мне, это издевательство.

Но полет еще не начался. Все эти недочеты не казались такими уж сильными. И казалось, что со всем можно было справиться и все перетерпеть. Мы же летели туда, где были трудности. И летели эти трудности преодолевать. Наверное, так думал не только я, раз в начале полета никто возражать по поводу тесноты не стал.

Помимо кают была общая комната отдыха. Опять же, это комната была небольшой. В ней одновременно могло поместиться только двенадцать человек. И то было бы тесно. Комнат для тренировки я не нашел. Об этом и спросил Висова. Он ответил, что тренировки на выход в космос будут проходить в грузовом отсеке. Поддерживать физическую форму Висов предлагал прогулками по техническим отсекам. А заодно и тренировать свою реакцию.

Вот тут я немного завис. В прямом смысле этого слова. Вы представляете, что такое технические отсеки? Это многочисленные лестничные переходы, пронизывающие весь корабль между обшивкой и жилой капсулой. Местами там нет гравитации. Местами гравитация слишком сильная для человека и каждый шаг дается с трудом. Часто случаются аварии. Отсоединяются провода и шланги. Человека могло обдать паром под давлением, ударить током или ударить чем-то тяжелым по голове. Из-за этого профессия космический механик – это одна из самых опасных. Из-за этого на нее раньше обучали клонов. И сейчас из-за этого механиков заменили дорогими роботами, которых заменить было проще, чем человека. Но Висов предлагал нам бегать по этим лестницам для сохранения физической формы. Когда я рассказал об опасениях Лике, то она рассмеялась.

– А как ты хотел? Дикий космос – это всегда минимум пространства и трудности. Довольно часто на кораблях или станциях случаются аварии. Лишние комнаты консервируются. И тогда поддержка физической формы – это комплекс упражнений, который можно применить на любом пятачке. Думаю, что наш гид эти упражнения покажет. Или я тебя ими научу, – улыбнулась Лика. При этом несколько упражнений она решила показать сейчас. – Вот наши лежаки. Они прикреплены к стене довольно крепко. Их можно использовать в качестве стенке. Или коридор между каютами и комнатой отдыха. Здесь много ручек на случай отклю-

чения гравитации. С помощью них можно подтягиваться и можно использовать как стенку для скалолазания.

– Это все хорошо. Но у нас народу намного больше, чем места для тренировок. Мы будем на корабле, как плотно стоящие палеты, – сказал я.

– Так кажется. На деле, при грамотном распределение пространства, мы порой днями не будем сталкиваться друг с другом, – ответила Лика. Я ей поверил. У меня не было опыта таких перелетов, но я все же уже начинал думать, что все будет намного сложнее и не так грамотно, как представляла Лика.

После всего случившегося, я уже закопался литературой и научными видео. Я хотел узнать, как все должно быть. Как люди избегают толкучки и распределяют пространства на кораблях дальних перелетов.

Для начала составлялся график бодрствования. Часть экипажа корабля вместе с пассажирами спали в первой половине суток, а вторая часть в это время бодрствовала. Так было проще не сталкиваться в коридорах и освобождалась комната отдыха. Бодрствующие распределялись по кораблю. Как к примеру одни занимались тренировками в том же грузовом отсеке, другие в этот момент отдыхали в комнате отдыха, третьи слушали теорию по предстоящей работе или, как в нашем случае, слушали бы гидов. Кто-то бы занимался физической подготовкой. И все это менялось. Плюс было личное время. Если пройти все четыре круга за день, то личное время будет таким желанным, что не будет даже мысли о скуке.

Висов об этом не задумывался. Он думал, что мы сами сможем себя занять. Или побегаем по техническим отсекам. Но когда нет опыта, то и сравнивать особо не с чем. Лика была в восторге, а я пока лишь наблюдал. Даже не делал заметки, а лишь пытался привыкнуть к кораблю и коллективу.

Из туристов зашло на корабль сегодня десять человек. Одна группа была вовсе с Ергона. Кто не знает, это небольшая закрытая планета, которая не признавала межпланетный язык. Увидеть их здесь было удивительно. С остальными разговоры не заладились. Они атаковали Висова с требованиями для себя особых условий. И тут я заметил одну вещь, которая потом подтвердилась: Висов распределил группы по количеству заплаченных денег. И члены этих групп не пересекались. Он хотел, чтобы у нас создались компании по интересам. Тем самым мы могли бы развлекать сами себя. Понятно, что нас это только разъединило, а не сплотило.

На следующий день началось заселение корабля. По планам мы должны были вылететь вшесть часов первой половины суток,но на станции был объявлен красный уровень по вирусной угрозе. Из-за этого включили медицинские рамки. А все знают, что проход через рамку занимает от пяти до десяти минут. Это если она не загорится красным. Тогда очередь останавливалась. Проход закрывался до выяснения причин. Человека отправляли на медицинское обследование и, если у него ничего не находили серьезного, то посадка для других продолжалась.

Нам на корабле сделали прививки и забрали экспресс-анализы. На корабле больных обнаружено не было. Это могло только радовать.

Люди, которые любят обращаться к мистицизму, скажут, что нас отговаривали невиданные силы от поездки. Я не в какие силы не верил, как и не поклонялся темному или солнечному космосу. Религия была в нашей жизни важной частью, но вот все остальное для меня было лишь словами. Если включить логику, то никакой мистики тут не было. Рабочие моменты. Ничего большего. Давайте вспомним сколько за последние три года станции закрывались на карантин? Это уже стало чем-то банальным и обыденным после последней волны эпидемии, выкосившей целый сектор. Человеческие ресурсы были слишком ценными, чтобы ими могли так легко жертвовать. Всегда нужно помнить, что людей мало, а космос безграничен. Поэтому такие ограничения были вполне нормальными. Сюда же вписывалась болезнь нашего гида.

В итоге вылет задержался на сутки. Это было не слишком критично, но неприятно. Тем более что туристы после многочасовых очередей проходили на корабль в раздраженном состоянии. Раздражение, маленькое пространство и неудобства – трудности начались слишком быстро. Я думал, что мы с ними столкнемся лишь ко входу в сектор МПАК, а не с первых дней. Лика говорила, что так только интереснее. Я пока интереса не испытывал. Будь моя воля, то я бы вышел на первой остановке и оставил этот туризм в страшном сне. Но меня удерживала работа.

Были надежды, что мне удастся погрузиться в работу. Но снимать в первые дни не получалось. В коридоре и комнате отдыха была толкучка, о которой я предупреждал. Висов с дочерью пропали на корабле и к нам не выходили, а мне по плану нужно было взять у них интервью. Первые дни прошли в лежании на койке и просмотре материалов про сектор МПАК, которые набрала моя команда. Такие вещи всегда оставлялись на время перелета, когда делать толком нечего. Прочитанное о системе меня совсем не обрадовало. И стало понятно, почему эту информацию они оставили на потом, а не выдали сразу.

Глава 3

Первое, что меня напрягло, так это наличие неучтенных космических станций в секторе. Эти станции строились одинокими странниками или черными копателями. Значит их в секторе было прилично. Второе, в системе были зафиксированы частые выбросы жесткой радиации, которые никем не измерялись и за которыми никто не следил. Третье, добыча полезных элементов таблицы Менделеева проходило без контроля. Корабли никого не ставили в известность. Получалось, что мы могли высадиться на планету и тут же мог прилететь корабль и начать рядом с нами добычу. При этом никто не мог им это помешать. В секторе не действовали никакие законы. И это была настоящая дикость. Та дикость, к которой мы стремились и к которой я как-то не был готов. Но уже было поздно что-то решать по этому поводу. Нужно было лететь вперед.

Я написал о своих сомнениях Лике, на что вызвал у нее лишь смех. Она считала, что ничего в незаконных копателях и одиноких странниках не было. Что я их наделял злыми намерениями, но чаще всего странники были безобидными искателями приключений. Но как же тогда быть с тем, что они не смогли жить в обществе и предпочли опасный космос нашему спокойному существованию? Или как раз была причина в существовании? Они хотели жить и чувствовать жизнь. Как будто эту жизнь нельзя было почувствовать дома.

Люди успокоились лишь через неделю. Мы вошли вкакое-то подобие ритма. И я смог начать работать.

Для начала я скинул план интервью с Висовым Юли. Планировалось, что она будет задавать вопросы, а я снимать. Но Юля отказалась. Она попросила потом записать ее голос и видео, чтобы вставить на монтаже, а интервью должен был провести я. Можно было поругаться с ней и заставить работать, но потом решил, что мне проще было все сделать самостоятельно. Именно поэтому за кадром во время фильма звучал именно мой голос, а не Юли.

Висова я нашел в медицинском кабинете, когда он разбирался с медицинскими картами. Выглядел он уставшим или болезненным. Это было плохо. Я еще подумал, что придется выставлять фильтры для камеры. Интервью по срокам у нас уже запаздывало. Наверное, поэтому Висов на него и согласился.

Общие вопросы по экспедиции мы уже записали. Теперь нужно было сделать обзор первых впечатлений и проблем, с которыми мы уже столкнулись. Мне было интересно: признает ли он эти проблемы или замолчит.

– Прошла неделя пути. С какими трудностями вы столкнулись? – спросил я.

– Особо сильных проблем нет. За эту неделю мы почти нагнали график. Думаю, что к первой контрольной точке мы придем вовремя, – ответил Висов.

– Я так понимаю, что корабль сейчас идет на повышенной скорости?

– Все в пределах допустимого. Да, это приводит к большому расходу топлива, но мы его пополним на первой контрольной. Там же и пополним запасы провизии.

– А что насчет кислорода?

– У нас есть небольшой запас как еды, так и кислородных баллонов. Так как корабль оснащен независимой системой жизнеобеспечения, то я не вижу смысла забивать трюм дополнительным грузом.

– Из-за экономии на топливе? – брякнул я. Висов потер подбородок.

– Нет. Не из-за экономии. У нас все хорошо с бюджетом. Даже скажу больше, у нас хороший профицит из-за закупки баллонов с кислородом на последней станции перед подлетом в сектор МПАК. Скорее я придерживаюсь теории, что космический туризм может быть доступен малым группам. Представьте, что вы с друзьями решили отправиться в условный сектор МПАК. Что для этого нужно? Небольшой корабль, который вас доставит до пункта назначения.

На станциях по пути вы будете докупать топливо и снаряжение. Или брать большой корабль со всем необходимым? Ясно и без предварительных подсчетов последний вариант намного затратнее.

– Но это теория.

– А разве мы здесь не для того, чтобы теорию доказать? – спросил Висов. Частично это было правдой.

– Что насчет здоровья клиентов? Тут есть какие-то опасения?

– В одной из групп одному туристу стало плохо. Отек легких. Все нужные препараты даны. Он подключен к дополнительному кислороду. Несколько человек жалуются на головную боль, но все в допустимых нормах.

– Почему такое происходит?

– Как уже было замечено раньше, клиенты не имеют опыта нахождения в космосе. Организм реагирует по-разному. Я же здесь и нахожусь, чтобы эти неполадки организма исправить.

– Считается, что корабль – это довольно безопасная среда и здесь не должно быть таких серьезных проблем со здоровьем.

– Серьезного я тут ничего не вижу, – возразил Висов. – Безопасная среда в крупных космических кораблях, рассчитанных на долгие перелеты. Маленькие и средние корабли – это другой вариант. Здесь нет такой же климатической среды. Вы не чувствуете, но гравитация на корабле намного меньше, чем на планете. И кислородная смесь отличается от привычной как на планете, так и на станциях. Вспомните про трамвайчики, которые летают в рамках одной системы. Когда вы в них садитесь, то часто чувствуете дурноту. Вот как раз из-за тех же проблем, с которыми мы сталкиваемся на нашем корабле. Только полет на трамвайчике длится не больше десяти часов. А мы летим довольно долго, чтобы организм на все это отреагировал.

– Но почему нельзя сделать такую же атмосферу, как на крупном корабле?

– Корабль станет тяжелее. А значит удорожание топлива и потеря в скорости. Конечно, звучит страшно, что люди дышат другой смесью и испытывают другую гравитацию. Но разве на всех планетах у нас одинаковые условия? Все равно прилетая в другую среду мы проходим акклиматизацию. Так и на нашем корабле. Клиенты пройдут акклиматизацию, а дальше все пойдет как по маслу. К тому же, после первой контрольной точке, мы начнем снижать уровень гравитации. С этого начнутся тренировки.

На этом наш разговор был закончен. Я сделал несколько кадров для перебивки медицинского кабинета и хотел вернуться в каюту, но остановился в коридоре, где никого не было. То самое время, когда можно было снять космический коридор. Я включил камеру. Из медицинского кабинета коридор шел в кабину пилотов и в кают-компанию. Обычный коридор, который ничем не отличался от стандартных коридоров. Только вот в углу, между дверью и кабиной пилотов я увидел серый комок, размером с три кулака. Комок сидел в тени, поэтому разглядеть его было сложно. Я включил свет у камеры. Комок повернулся в мою сторону. Красные глаза мелькнули в свете фонаря. Все это длилось считанные секунды. Комок нырнул за переборку, как будто его и не было.

Мне пришлось пересмотреть кадры, чтобы понять – зверь мне не привиделся. И это было большой проблемой.

Когда-то людей мучили крысы. Они перегрызали провода и делали в бетоне дыры, уничтожая людские запасы и перенося заразу. Сейчас же нас мучили жекролики. Этот вид был выведен для уничтожения свалок. Они сжирали железо на мусорных полигонах, принося крепкую шкуру, которую использовали для бронежилетов. Жекролики не подлежали к домашнему разведению и запрещались к вывозу из мусорных зон, но один из кроликов сбежал на станции из космического корабля, который перевозил их на новую базу для разведения. Кролики были гермафродитами. Им не нужно была пара для размножения. Вскоре они расплодились и стали настоящим бедствием.

Бороться с кроликами было сложно. Корабль становился на карантин. Экипаж эвакуировался. На станцию кораблям с жекроликами въезд был запрещен. И один кролик, если один, был у нас на корабле.

Я вернулся в медицинский кабинет к Висову. Там был Сицин, который явно пришел из технического отсека. Я даже не стал извиняться за прерванный разговор. Понятно, что они мне вначале не поверили. жекроликов видели последний раз в нашем секторе лет десять назад. Но когда я показал видео с кроликом, то все сомнения отпали. Теперь пришлось думать, как этого кролика изловить. Я настоял на своей помощи и с записью всего процесса. Если бы наш полет прервался из-за кроликов, то я показал бы доказательства начальству. При условии, что все закончится благополучно, то кадры никуда не попадут.

По схеме мы должны были подать сигнал бедствия и эвакуироваться. Но тогда бы экспедиция закончилась. А этого допускать никто не хотел.

Сицин взял в помощники еще одного гида. Мы втроем должны были обследовать технический отсек.

Да, еще недавно я даже представить себе в страшном сне не мог, что полезу в технические отсеки. Но тут у меня появился личный интерес. Про кроликов я слышал, но никогда с ними не сталкивался. Хотя у меня брат был на станции, которая когда-то подверглась нападению жекроликами. Тут уже сыграло личное любопытство. Он их видел, а я нет. Хотелось увидеть.

Теоретически можно было в технический отсек пройти в той же одежде, в которой мы ходили по кораблю. Достаточно было только надеть маску с кислородным баллонам. В технических отсеках кислород не поставлялся. Температура была в районе восьми градусов. Но в технический отсек было принято надевать специальный прорезированный костюм наподобие водолазного. В этом костюме было нестрашно получить ожог паром или зацепить искрящий провод. На голову надевали шлем с хорошим таким фонарем. Опять же технические отсеки не подсвечивались лампами в целях экономии.

Я взял несколько камер. Одна камера крепилась на макушку и должна была делать обзор на триста шестьдесят градусов. Две камеры крепились на лоб. Одна снимала ночным виденьем, другая обычной. Еще две камеры были на груди. Столько камер было необходимо на случай, если техника даст сбой. Я же хотел снять всю нашу охоту.

Видео с камер поступали на очки. Я мог переключаться между ними как с помощью голоса, так и с помощью кнопок пульта, прикрепленного на руку.

– Нужно надеть перчатки, которые эта тварь не прокусит, – сказал Шаров.

– С каменной и стеклянной крошкой, – ответил Сицин, выдавая нам перчатки. – Жекролики их не едят.

– И как мы собираемся этого кролика ловить? За уши? – спросил я.

– Нам сейчас нужно его обнаружить. Если удастся его поймать, то посадим его в стеклянный куб, – ответил Сицин. – Куб я беру с собой. Но опять же, мы пока ищем дислокацию кроля. Его гнездо. Часто жекролики гнездятся среди проводов и труб.

– Разделяться не будем? – спросил я.

– Нет. Идем вместе, – ответил Сицин.

Костюм плотно облегал тело. Камеры работали. Перчатки были вполне удобными. Ботинки у нас на корабле были со специальными крюками на подошве. Эти крюки цеплялись за решетчатые полы корабля и служили дополнительной защитой при отключении гравитации. Вначале в таких ботинках ходить неудобно. Потом привыкаешь не только быстро ходить, но и бегать.

В технический отсек шел шлюз, открывающийся по коду, который набрал Сицин. И вот мы вошли в ту часть корабля, которую обычно называли «одеялом» капсулы. Оно отделяло капсулу от космического пространства и защищало нас от космической радиации. Пространство было большим. Технические отсеки доходили до трех-пяти стандартных этажей. Много-

численные лестницы проходили паутиной среди труб и проводов. Пластиковые капсулы деталей и кристаллических соединений свисали над головой, придавая этому месту сравнение со страшным техническим лесом.

Стоило нам ступить на лестницу, как я почувствовал легкость. Гравитации почти не было. Меня держали ботинки.

– Висов предлагал нам тренироваться в этих местах, – сказал я.

– Утяжелители можно надевать на руки, на ноги и утяжеленный жилет, – ответил Сицин.

– Получается, что это нормальная практика?

– Вполне, – ответил Сицин.

Шаров пошел вперед. Я же продолжал следить за происходящим через камеры. Дополнительно задал поиск жекролика, чтобы техника его точно зафиксировала, если я сам провороню.

Технический отсек жил своей жизнью. Что-то шипело, что-то пыхтело, что-то стучало. Я увернулся от пара, который неожиданно вылетел из трубы. Все же, места здесь были небезопасные.

Мы вначале ходили гуськом друг за другом, но пользы от этого не было. В итоге было принято решение разделиться. Я пошел в верхнюю часть корабля, так как там было самая безопасная часть технического отсека. Все же я был клиентом, а не сотрудником корабля. Кроля там найти было мало шансов, но проверить ту часть технического отсека было нужно.

Единственный минус был в том, что мы с собой не взяли никакую связь. Заблудиться в техническом отсеке было сложно. Все лестницы вели в сторону шлюзовых выходов. Если для входа в технический отсек был нужен пароль, то для выхода его не нужно было набирать. Для этого существовала большая кнопка, которую нужно было всего лишь нажать, чтобы выйти из этого места.

Пока я шел, то думал про мрачность этого места. Иногда мне попадались роботы, которых приходилось пропускать. Некоторые из них были человекоподобными. Я остановил одного из роботов. Хотел подключиться к его глазам, но у местных роботов отсутствовали глаза. Кроля бы они при всем желании не увидели.

Все же место было неприятное. Мне было сложно представить, как люди тут могли раньше работать. Хотя работали не люди, а клоны. Такие, как Сицин. Ходить целыми днями по темным коридорам среди проводов… Это было неприятно.

Клонов всегда использовали для черновых работ. Правильно это было или нет? Тут двоякая мораль. Отправлять человека на тяжелую работу или возобновляемый биоматериал? Ведь кто по сути были клоны? Нельзя же сказать, что это были люди. Человек – это тот, кто рождается женщиной. А клон создавался искусственно. Как робот. Биологический робот. Создают же роботов из металла, а тут создавали роботов из биологического материал. Но в отличие от железяк клоны обучались и делали выводы. Роботы же были запрограммированный на какой-то определенный алгоритм действий.

Рассуждать можно на эту тему до бесконечности, но факт оставался фактом: клонов признали в правах наравне с людьми. А раз так, то они не должны были работать в таких жутких условиях. Точка.

Бродя по лестницам и переходам, я вновь и вновь задавался вопросом: можно ли было доверять Сицину наши жизни? Если подумать, то здоровый человек тут бы сошел с ума. А Сицин работал и в таких условиях и за пределами корабля. Как на него все это повлияло? Доказали же, что психика у клонов и людей одинаковая. Если бы я работал в таком месте, то на моей психике это бы отразилось.

Я эти сомнения очень хорошо помню. Они никак не вязались с моим отношением к самим клонам. Я всегда считал себя толерантным в этом вопросе, но оказалось, что когда на кону стояла моя жизнь, то начинали появляться сомнения.

Мы бродили по техническому отсеку часов шесть. Следов кроля не было видно. Мне уже самому начало казаться, что я его не видел. Что мне все это показалось. Если бы не запись, то я бы себя так в этом и убедил.

Кроля поймал Шаров. Кроль прятался под проводами системы звукового оповещения. Так была обнаружена первая поломка, которая заключалась в отказе автоматической системы сос-системы. Было понятно, что скоро мы найдем еще поломки, а возможно и сородичей кроля, которые разбрелись по всему кораблю. И это была проблема. По сути нужно было дать задачу провести ревизию корабля на поломки. Работа предстояла большая и кропотливая.

– Чего будем делать с кролем? – спросил Шаров, когда мы посадили его в стеклянный ящик. Как ни странно, но кроль был спокойный и флегматичный. Я думал, что он будет вырываться. Вместо этого кроль спокойно жевал железную жвачку и даже не думал сопротивляться.

– В переработку его отправим, – сказал Сицин.

Переработкой здесь называли мусорную камеру, которая сжигала мусор и выкидывала в космос пыль. Иногда ее называли мусорной камерой. На некоторых кораблях камеру просто называли мусоркой.

– Сообщать будем? – спросил Шаров.

– Это Висов будет решать.

– Надо по камерам посмотреть, как кроль попал на корабль, – предложил я.

– Камеры отключены, – ответил Сицин. – С ними были неполадки еще на станции. Видимо жекролик тут давно живет.

– Как его только система на станции не засекла? Она же должна реагировать на такие вещи.

– Должна, но в этот раз не среагировала.

Мы вышли в коридор. Сицин с Шаровым пошли выкидывать кроля в космос, а я пошел монтировать запись. Тот день выдался суматошным и нервным. Зато было хорошее разнообразие серых будней полета.

По договоренности, я не стал распространяться о проблемах. Об этом даже Лика не знала. Этот случай не вошел в документальный фильм, потому что у нас и без того было много для рассказа зрителям. А кроль – это была одна из проблем. Из кучи проблем, которые нас преследовали весь полет.

Глава 4

Юля хотела во время дозаправки выйти на станцию. Ее начал утомлять полет. Но Сицын сказал, что заправка будет проходить без выхода на станцию. И если нам уж так скучно сидеть в каюте, то будет организована тренировка в грузовом отсеке. Эта новость всем понравилась. Да, мы уже начали уставать друг от друга. Новизна общения прошла. Мы уже довольно много знали друг о друге. Составили о представление друг о друге. И теперь появилась скука, которая мешала.

Я мог бы развлечься тем, что взял бы интервью о всех членов нашей группы, но пока особо никто не горел желанием излить душу. Да и не было место для интервью. Слишком мало места для разговоров. Все это я оставил на потом, когда предвидеться более удобный случай. Но для некоторых этот случай не наступил и мне пришлось восстанавливать по памяти. И все равно, в финал фильма эти мысли не вошли… Но об этом позже.

Тренировка должна была проходить в скафандрах пятнадцатого типа. Это были облегченные скафандры, которые имели всего лишь три прослойки защитного материала. Позади крепился рюкзак с кислородными баллонами. Костюмы были рассчитаны как на выход в космос, так и на длительное нахождение на корабле при отключение системы жизнеобеспечения. Скафандры находились у нас в каютах, поэтому надевали мы их у себя. При этом надевать скафандры нужно было поверх специального впитывающего белья, которое поддерживало бы чистоту тела, а состав, которым было пропитано белье, разлагал бы выделения. Дорогая вещь, но вполне нужная.

Во время тренировки мы должны были провести в скафандрах восемь часов и не только почувствовать тело в невесомости, но и отработать выход в космос. День обещал быть насыщенным.

Скафандр был облегченным, но все равно громоздким. Когда я его надел, то почувствовал себя закутанным в толстое одеяло. Это было неудобно и непривычно. И тут я понял, что если бы чего-то случилось на корабле, то мы не смогли действовать грамотно и слажено. Мы не умели управлять телом в этих костюмах. Задевали им стены. Ваня так вовсе споткнулся и упал. Мы его подняли вдвоем с Тимуром и пошли догонять нашу команду.

В грузовом отсеке уже была одна группа, которая тренировалась. Позже к нам присоединились оставшиеся группы и это было ужасно.

Транспортный отсек представлял собой огромное помещение, которое было заполнено лишь на одну пятую. Это было удивительно для такого полета. Хотя опять же, Висов хотел закупаться всем необходимым на станциях, поэтому тут объяснений искать было ненужно.

Невесомость. Я первый раз в жизни оказался в настоящей невесомости, без ботинок-кошек, без утяжелителей и без страховки. Только полет и только свободное падение. Когда открылся шлюз, то меня выкинуло в грузовой отсек. Что меня поражало на этом корабле, так это отсутствие шлюзовой камеры. Ее функция исполняли коридоры.

Потом я узнал, что Висов избавился от шлюзовых камер, чтобы увеличить площадь корабля и запихнуть в него побольше туристов. Как ни странно, но такое допускалось.

Когда я искал кроля, то думал, что нахожусь в невесомости. Ничего подобного. Там еще оказывается работала система жизнеобеспечения. А вот в грузовом отсеке она отсутствовала. Стоило шлюзу открыться, так меня вытянуло из коридора в отсек. Я перестал чувствовать себя. Перестал чувствовать корабль. Осталось лишь пространство, которое напугало тем, что я не мог понять, где оно заканчивается. Я не видел стен, потолка и пола. Меня крутило. Я на кого-то натыкался. Меня отталкивало. Я тут же начинал вновь крутиться, не зная, когда мне получиться остановиться.

– Стоп! Поймала! – Лика схватила меня за руку, отключая кнопку на моей перчатке. Меня перестало кидать из стороны в сторону. Я смотрел на нее и не понимал, что произошло. – В перчатке кнопка для управления тепловым ранцем. Ты когда перешагнул шлюз, то на автомате ее зажал. Вот тебя и начало из стороны в сторону кидать.

– Никто не говорил про тепловые ранцы на тренировки.

– На них крепятся баллоны. Смотри, кнопки расположены на подушечках перчаток. Включаются они, когда нажимаешь на запястье. Вот на эту кнопку. Понял?

– Понятно. Только бы это хотелось узнать до того, как я тут окажусь.

– Эти скафандры немного отличаются от тех, в которых мы с тобой тренировались. Но все примерно одинаково.

Одинаково? У нас не было тепловых ранцев. Мы тренировались в более тонких костюмах двадцатого типа. Единственное к чему меня подготовили тренировки, так это к головокружению. Голова пришла в норму через пару минут. Мы с Ликой отлетели в сторону, потому что в нас чуть не врезался еще один человек, который учился пользоваться ранцем.

– Переключаемся на третью частоту, – раздался в шлеме голос Сицина.

Еще бы научил, как это делать. Опять, где рация, мне показала Лика. И объяснила, как ее переключать.

Тут могут начаться разговоры, что я мог бы все это просмотреть и изучить самостоятельно. Только наш полет не предполагал самостоятельной подготовки. Нам заранее не говорили про скафандры и средства связи. За все время полета до этой тренировки мы лишь раз надели скафандры и то по собственной инициативе. Даже если бы я знал марку скафандра и все мелочи полета, то не смог бы ничего про них прочитать. Напоминаю, что связи не было и подключиться к связи на станциях было нельзя. Мы платили деньги за полет и обучение, которого по факту не было.

Да, сейчас я знаю, что Сицину было не до нас. Он ловил расплодившихся кроликов и латал дыры в системе корабля. Это сейчас я знаю, что Висов решил пролететь первую контрольную точку, чтобы не сообщать о проблемах на корабле. И я сейчас понимаю, что нас подвергали необоснованной опасности. Но тогда я этого не знал. При этом мне спокойнее от этого не становилось.

Сицин собирал нас в углу. Он подлетал к каждому, цеплял карабином за пояс и тащил в угол, чтобы прицепить уже к другим. Вскоре мы все образовали цепочку, которые держались друг за друга и были связаны карабинами. После этого Сицин уже стал объяснять азы. Он нам показал, как надо восстанавливать равновесие с помощью ранца, как объясняться с помощью жестов, если не работает связь. Тренировка была насыщенной. Мы учились на ящиках, которые были закреплены у стены тросами и крюками. Нужно было в перчатках передвинуть ящики и закрепить их. Потом отлететь к стене и вернуться обратно. При этом нам надо было еще уворачиваться от клиентов других групп.

Я не могу сказать, что тут возникали проблемы и были сложности. Да, работать было неудобно, но терпимо. Лика дурачилась. Ей нравилось летать в невесомости. Нравилось чувство свободы, а вот меня это больше напрягало, чем радовало. Мне хотелось сбежать. Вернуться в каюту, а еще лучше выйти из корабля. При этом все было вполне хорошо и безопасно.

Но вот к нам присоединилась последняя группа туристов, которые влетели из коридора. Они вылетели на такой дикой скорости, что увернуться от них было невозможно. Нас раскидало в разные стороны. Я несколько раз крутанулся в пространстве, но с помощью рюкзака вернул равновесие. Выключился свет.

– Включаем фонари на шлемах, – прозвучал спокойный голос Сицина. – Кнопка на плече. Неважно каком.

Кто-то включил свет. Я увидел, как один из космонавтов нажал на кнопку для открытия грузовых ворот. И эти ворота вели в открытый космос.

Понятно, что он перепутал кнопки. Поддавшись паники, решил выйти из этого непонятного места. Явно в голове вспыхнула инструкция по открытию шлюзов. Если из жилых отсеков можно было войти в технические помещения по коду, то из технических помещений выход был по большой кнопке. Грузовые ворота открывались немного иначе. Тут была защита от случайного открытия. Для открытия грузовых ворот нужно было получить разрешение с капитанского мостика. И тут нужно было вспомнить про жекроликов.

Жекролик был не один. Только Сицин их поймал пять штук. Забегая вперед скажу, что у нас на корабле было семь штук. Из-за них не поступил сигнал на капитанский мостик. Ворота открылись, а нас потянуло в космос.

Я к тому времени уже включил фонарь. Первое, что мне попалось на глаза, так это мимо плывущие клиенты. Ворота открыты. За воротами звезды и пустота. Манящая пустота, которая к себе притягивала. Если честно, то я сам туда поплыл. Мне казалось, что космос к себе притягивал.

– Без паники. Мы сейчас закроем ворота, – раздался голос Сицина.

– Как же красиво, – услышал я голос Лики.

Ворота начали закрывать, но один из космонавтов решил увеличить скорость и рвануть в сторону ворот. Он словно хотел успеть оказаться в том пространстве, которое так сильно притягивало.

Один из гидов кинулся ему наперерез и схватил его за шланг от кислородного баллона. Шланг – это было слабое место этих скафандров. Об этом я узнал лишь при анализе случившегося, когда потратил много времени на разговоры со специалистами и перерыв тонны технической информации. Мне хотелось найти ответ на каждый вопрос. Ответы находились, как и подтверждалась вина Висова в случившемся.

Наши скафандры были сняты с производства лет двадцать назад, как раз по причине плохого крепления шлангов к рюкзаку с баллонами. Гиды об этом явно не знали. И я даже скажу, что тут их вины не было. Скафандры выпускались в довольно небольшом количестве. Их поставляли на корабли, летевшими на планеты с атмосферой. Использовали их уже на планетах, если там была агрессивная среда. Даже в таких условиях скафандры были признаны непрактичными.

Когда гид дернул за шланг, то он отвалился. Да, это помогло отогнать клиента от выхода в космос, но при этом клиент ударился головой об потолок отсека, а затем его потащило к стене.

У меня слетела волна рации. Меня кинуло в общий канал. Я слышал, как люди просили включить гравитацию. Но это была бы ошибка. Теоретически в грузовой отсек можно было бы подключить гравитацию и тогда бы мы попадали на пол, получив травмы.

Лика меня дернула за лямку на скафандре. Переключила канал на нужный.

– Ты куда пропал? Идем к выходу.

Часть групп уже выходили в коридор. Там была отключена система жизнеобеспечения. Как я понял, это было нужно, чтобы мы не чувствовали сопротивления, когда выбирались из грузового отсека. Сицин велел нам прицепиться к стенам. Вскоре должны были дать гравитацию.

Я не чувствовал панику. Скорее недоумение. Я не понял, что произошло. Все еще был в шоке от произошедшего и увиденного. Если честно, то я не думал о том туристе, у которого отвалился шланг. Все мысли были о бесконечной пустоте за стенами корабля. Это было что-то такое волнительное и пугающее, давящее и вызывающее восхищение, что у меня было ощущение полного нокдауна.

Дали гравитацию. Тело стало непослушным и тяжелым. Я свалился на пол и понял, что не в состоянии подняться. У меня просто на это не было сил. Голова кружилась. Тогда я совершил ошибку: вначале отключил подачу кислорода и только потом начал снимать шлем. В итоге мне

на это не хватило кислорода. Я начал заваливаться. Последнее, что я увидел, так это встревоженное лицо Лики.

Позже мы с ней сидели в каюте на моей койке и пили витаминный коктейль из не проливающихся упаковок. Я все еще чувствовал себя плохо. Мне казалось, что с меня сошло нереальное количество пота. Из-за этого я был реально рад, что надел впитывающее белье.

Сложно было поверить, что мы провели десять часов в отсеке. Для меня все прошло максимум за час. Я не ощущал времени, провалившись в незнакомые впечатления. Этот новый опыт переворачивал сознание. Было такое ощущение, что не я изменился, а изменился мир вокруг меня. Все стало более ярким и необычным.

Тимур вел запись для блога, рассказывая о первых впечатлениях. Юля сидела на своем месте, обхватив голову руками. Ваня ходил по каюте и только повторял, что такое невозможно. Мы явно все были под впечатлением. Этот опыт был таким сильным, что нас просто вынесло из привычной жизни, но при этом в новой жизни с этим опытом нам пока не было места.

– Ты как? – тихо спросила Лика.

– Потрясающе, – ответил я, понимая, что совсем не покривил душой.

– Ты запись вел?

– Вел.

– Я сама включила камеру. Потом надо будет подумать, что можно включить в репортаж, а что нет. Не думаю, что Висову понравиться, если мы расскажем, как у него открылись грузовые ворота.

– Потом отредактируем. Нам же не сразу фильм отдавать. Вначале будет редакция, монтаж.

– Я думала, что мы сразу кино сдаем, а оно идет в эфир.

Ее слова меня рассмешили. Даже Тимур не мог выкладывать контент в блог без предварительного согласования. А что говорить про журналистов! После того, как телевидение и интернет-издания были объединены, то мы подверглись единому плану освещения событий. Сейчас, если и была возможность рассказать правду, то для этого надо было написать книгу. Книги так жестко не редактировались, считаясь наполовину вымыслом, а наполовину ошибочным личным опытом. Поэтому весь отснятый материал шел вначале редактору и сценаристу. После этого его забирали на монтаж. Мы были лишь молчаливыми свидетелями происходящего. Да, у нас был примерный план фильма. Но этот план легко могли перекроить на монтаже.

– Все принимаем витаминные комплексы. Нужно восстановить силы. Завтра будем работать над ошибками, – сказал Сицин, заходя в каюту.

– Что с пострадавшим? – спросил я.

– У нас пострадало три человека. Который остался без кислорода, получил сильный ушиб головы и кислородное голодание. Еще у одной женщины случилась истерика и один клиент сломал руку. Вот мы завтра и начнем работать по этой теме, чтобы больше такого не повторялось, – сказал Сицин.

– А как сама тренировка? – спросил Ваня. – Есть какие-то прогнозы?

– У нас есть недочеты. И есть над чем работать. Но первый опыт – это всего лишь опыт. Я посмотрел на вас в экстремальных условиях. Теперь понятно, как вы будете действовать. Опять же, повторяю, завтра мы все решим и проработаем.

– Опять в грузовом отсеке?

– Да. Но в этот раз нас будет только две группы. Утром мы отрабатываем теорию в комнате отдыха. Потом идем в грузовой отсек. Если вас интересует: сможем ли мы выйти в космос? Да. Выйдем и спустимся на планету. Каждый из вас сможет это сделать.

– Ну и хорошо, что все в силе, – довольно сказал Ваня.

– Можно ли потом избавиться от эффекта, который оказывает на сознание космос? – спросил Тимур.

– Да. Такое ощущение, что он меня хочет поглотить! – добавила Юля. – Я сейчас хочу сбежать из корабля. Попросить выйти на следующей станции.

– Мы не будем останавливаться на станциях. Из-за того, что нам надо войти в график, мы будем лишь загружать необходимое для дальнейшего полета, но не более. От прогулок по станциям придется отказаться, – сказал Сицин.

– Пока наше отклонение от графика не настолько критично, – возразил Тимур.

– Нам пришли новые данные по планете, на которую планируется высадка. Оказывается, что сейчас она подходит близко к звезде. А значит там формируется атмосфера. Если мы не попадем в окно, то высадка будет невозможна из-за азотных метелей.

– Никто не предупреждал об этом, – сказал Тимур.

– Планета малоизученная. Про нее нам известно лишь, что она существует и на ней есть сооружение, построенное иноземной цивилизации. Никто не делал анализа орбиты, не рассчитывал время года и погодные условия. При этом мы вас предупреждали об этом. Хорошо, что мы узнали о погодных аномалиях до того момента, когда прилетели уже на планету, – сказал Сицин. – В этом и заключается наше путешествие. Если кому-то тяжело, то могу вам посоветовать выпить успокоительные и лечь спать.

– Все решается лишь успокоительным? – уже спросил я.

– Оно снизит напряжение, – ответил Сицин. – Скафандры сейчас убираем. После этого свободное время.

Он вышел в коридор. Я решил выйти за ним, чтобы спросить то, о чем не следовало знать другим. В коридоре никого не было. Все разошлись по каютам, переполненные впечатлениями.

– Мы не останавливаемся на станциях из-за кроликов? – спросил я.

– Да, – не стал лукавить Сицин.

– А как же будем докупать снаряжение?

– Докупим. Об этом не надо волноваться, – ответил Сицин. – Сегодня отдыха, а завтра будем работать. Все.

Я чувствовал, что у нас проблемы. Понимал их причины. И все это мне не нравилось. Но при этом я не чувствовал опасности. После того, как я увидел космос, проблемы на корабле меня уже мало волновали. Что-то изменилось. Были мысли, что если космос решит нас забрать, то это будет ему достойная плата за наше присутствие в его владениях.

Уже лежа на койке под успокоительными, я вспоминал слова психолога, который меня предупреждал о таком восприятии космоса. И с этим надо было бороться. Космос не должен был победить, а он мог это сделать, захватив сознание человека и заставить его делать дурные вещи. И в грузовом отсеке я был свидетелем такого безрассудства, когда один из клиентов решил выйти в космос и явно там остаться.

Тогда я думал, что ворота открылись случайно. Кто-то перепутал кнопки. Сейчас скажут, что такое могло быть. Да, могло. Но именно открытые двери и космос заставили нас не спорить по поводу отказа залетать на космические станции. А это было удачей для Висова.

Глава 5

При подготовки данной книги я взял интервью о тех событиях у Сицина. И он мне честно ответил по той ситуации с жекроликами и открытыми дверями. Привожу кусок этого интервью без редакции.

– Первый и главный вопрос: когда Висов узнал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.